

Илья Ничипоров

«Я СТОЮ, КАК ПРЕД ВЕЧНОЮ ЗАГАДКОЮ...». ВЗЫСКАНИЕ РАЯ В ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Отношение к Богу
поэта-певца

Духовно-нравственные аспекты поэтического мира В. Высоцкого не раз становились предметом внимания писавших о его творчестве. Исследователями и критиками высказывались полярные точки зрения о соотношении творчества барда с христианской традицией. Если для одних он лишь кощунствующий «заложник отступничества» от Христовых заповедей (Кудимова М., Переяслов Н., Симаков А.), то иные, напротив, склонны отводить христианству «роль организующей силы» (Шилина О.) в произведениях В. Высоцкого. Однако объективное исследование этой проблемы невозможно без понимания всей сложности самоопределения в отношении к Богу поэта-певца, сформировавшегося в атеистическую эпоху, которая вытравила из душ многих его современников духовный, мистический опыт бытия, навязав вместо этого абстракцию «общечеловеческого гуманизма».

Мятущийся дух
барда

Страждущий, мятущийся дух автора «Моей цыганской» и «Райских яблок» противоречивейшим образом соединял в себе насмешливо-ироническое, а иногда и богохульное отношение к церкви и ее догматам («Песня про плотника Иосифа...») с напряженной жаждой веры, глубинным осознанием своего падения. Быть может, тем и важнее проследить в песнях В. Высоцкого взволнованный поиск рая, личностного знания о Боге – в песнях, которые, по словам священника М. Ходанова, «охватили всю боль эпохи» [1] и вобрали в себя надрывный голос стремящейся «опаматоваться» нации.

Взыскание рая

«Сюжет» взыскания героем В. Высоцкого рая и Божьей благодати, сквозной в его стихотворениях, имеет сложную динамику.

В ранних, «блатных» песнях В. Высоцкого («Счетчик щелкает», 1964; «Ребята, напишите мне письмо...», 1964; «Про черта», 1965–1966; «Песня про космических негодяев», 1966 и др.) очевидно болезненно-сладострастное чувство героя своей греховной погруженно-

сти во тьму «жизни бесшабашной». Но в недрах «блатной» тематики и стилистики все определенное просту- пает бытийное содержание: повторяющиеся мотивы «конца пути», где «придется рассчитаться», и особенно неминуемого Страшного суда, под которым разумеется отнюдь не только уголовное наказание («Все ерунда, / Кроме суда / Самого страшного». 1,76*), ложатся в осно- ву еще не вполне осознанной самим героем *аксиологии его жизненного пути*.

Встреча с адом

Характерно, что в песнях В. Высоцкого встреча ге- роя с силами ада происходит раньше, чем соприкоснове- ние с Высшими сферами бытия. В трагикомическом сти- хотворении «Про черта» фигура царя тьмы предстает в качестве двойника самого лирического «я», боящегося остаться один на один со своей одинокой большой душой: «Но лучше с чертом, чем с самим собой...» (1,96). Попыт- ка заполнить внутреннюю пустоту бесшабашной, хмель- ной игрой с теми мистическими силами ада, чью власть над собой герой еще не вполне осознал, оборачивается для него трагичной в своей разрушительности иронией, на- правленной на собственную душу и целый мир...

Человекобожеская утопия

Внушенное богоборческой идеологией утопическое представление о могуществе человека над стихиями бы- тия получило художественное воплощение в «Песне кос- мических негодяев». В ролевом монологе дерзких поко- рителей космоса, где «страшней, чем даже в дантовском аду», людей, забывших «десять заповедей рваных», воз- двигается масштабное «здание» человекобожеской уто- пии, согласно которой «вечность и тоска – игрушки нам!»:

На бога уповали бедного,
Но теперь узнали: нет его –
Ныне, присно и вовек веков!

(1,101)

Мотив преодоле- ния пределов

Последующий путь героя песен В. Высоцкого во мно- гом проникнут стихийной, самозабвенной, доходящей до душевной обнаженности устремленностью от адского «мрака греховного» к раю, миру света. Исследователи не случайно обращали внимание на существенную роль *мотива прохождения, преодоления границ, всяческих пределов* в пространственной организации поэтического мира В. Высоцкого [2]. В ряде стихотворений-песен, по- вествующих об экстремальных жизненных положениях героев, которые требуют от них больших душевных уси-

* Здесь и далее ссылки на текст В. Высоцкого даны с указанием тома и страницы по изданию: *Высоцкий В.С. Сочинения: В 2 т. / Сост. А.Крылов. М., 2001.*

лий («Две песни об одном воздушном бое», 1968; «Песня о двух погибших лебедях», 1975 и др.), именно в напряженном переживании горя, катастрофы рождается живое обращение к Богу, чувство райской благодати и вечности:

И я попрошу Бога, Духа и Сына, –
 Чтоб выполнил волю мою:
 Пусть вечно мой друг защищает мне спину,
 Как в этом последнем бою!

(1,179)

Движение от
 суетного к святому

Наиболее зримо движение героя В. Высоцкого от суетного к святому явлено в таких вещах, как «Моя цыганская» (1967–1968), «Кони привередливые» (1972), «Баллада об уходе в рай» (1973) и др.

В песне «Моя цыганская» из недр потаенной, подсознательной жизни лирического «я» («в сон мне – желтые огни, / И хриплю во сне я...») рождается неуничтожимая и неутоляемая праздной повседневностью жажда подлинной душевной и духовной радости:

Но и утром все не так,
 Нет того веселья* ...

(1,165)

Терзающее опьяненную душу забывшего о Боге русского человека бытийное чувство того, что «все не так, как надо», предопределяет здесь «зигзагообразное» метание по миру. От взбирания «впопыхах» на вершину горы, до пребывания у ее подножья, пути «в чистом поле»; от кабака, кажущегося теперь лишь «раем для нищих шутов», – к церкви, с которой у героя тоже обнаруживается разлад: *восполнить одним стихийным порывом вакуум постоянной практики молитвенного общения с Богом оказывается невозможным*:

Нет, и в церкви все не так,
 Все не так, как надо!

(1,165)

Лирическая
 исповедь

В движении лирического «я» «Моей цыганской» к свету ждущая, не высказанная до конца надежда на обретение райского блаженства сплавлена с самыми крайними формами отчаяния и Богооставленности, что проявилось в стихотворении и на уровне цветовой гаммы – «тьме», «полумраку» противостоит гармония небесного цвета, преображающая природу:

В чистом поле – васильки,
 Дальняя дорога...

Лирическая исповедь произносится здесь как бы на исходе дыхания, на пределе словесного выражения:

* В цитатах курсив везде наш. – И.Н.

«Света – тьма, нет Бога!», «хоть бы что-нибудь еще»... Оказавшись в ситуации полной утери внутренних опор, герой стремится оживить в себе народный опыт восприятия мистических сил, нашедший выражение в фольклорной культуре [3]. И тогда *аксиологическая перспектива «дальней дороги» жизни человека, не нашедшего Бога, приобретает трагически-безысходную окраску:*

Вдоль дороги – лес густой
С бабами-ягами,
А в конце дороги той –
Плаха с топорами...

(1,165)

Желание освободиться от миражей

Преобладающий в стихотворении модус трагической иронии в самоосмыслении и познании мира имеет деструктивную направленность, но вместе с тем за этой иронией таится желание освободиться от миражей, очиститься от всего того, что «не так», ощутив в обращении к «ребятам» диалогическое соприкосновение с народной судьбой и бедой:

И ни церковь, ни кабак –
Ничего не свято!
Нет, ребята, все не так!
Все не так, ребята...

(Там же)

Духовная неготовность к общению со Всевышним

В «Конях привередливых» стихийные силы души также влекут героя к «краю» бытия, к тому, чтобы ощутить полноту жизни не только в земном («ветер пью, туман глотаю»), но и в загробном существовании: мифопоэтический образ погоняемых им коней воплощает здесь движение в «пограничном» пространстве. Главной целью этого безудержного, вызывающего «гибельный восторг» галопа становится *встреча с Богом, раем, обретение в этой сокровенной встрече Высшего смысла существования*. Однако *духовная неготовность* героя к подлинному общению со Всевышним вносит ноту болезненного отчуждения его от рая и райской жизни, где он чувствует себя неловким гостем, оказавшимся, как в известной евангельской притче, на брачном пиру одетым в небрачную одежду (Мф. 22,12):

Мы успели: в гости к Богу не бывает опозданий, –
Что ж там ангелы поют такими злыми голосами?!

(1,300)

Разочарование невестречей

Сам образ рая в восприятии лирического «я» предстает тут раздвоенным и напоминает гибельное пространство ада. Оказывается очевидным, что не Бог своей властью лишает человека райского блаженства в загробном пути, но сама отягощенная грехом душа оказывается не в силах приобщиться к этому блаженству. *В песнях*

В. Высоцкого снова и снова возникает состояние мучительного взыскания Бога, рая, оборачивающегося для героя трагическим разочарованием нестречи...

Яркое художественное воплощение этот поиск получает в трагической балладе «Райские яблоки» (1978). Как и в «Конях привередливых», жаждущая соприкосновения с райской гармонией душа героя устремляется в рай галопом «на ворованных клячах». Но, лишенный духовного зрения, он видит там лишь «сплошное ничто», подобие советской лагерной системы, исключаяющей внутреннюю свободу: «И среди ничего возвышались литые ворота, / И огромный этап – тысяч пять – на коленях сидел...» (1,475).

Усмотрение в рае торжества зла

Внедренное советской действительностью тотальное чувство несвободы оказывается всеобъемлющим впечатлением от мира и распространяется даже на интуиции о загробной жизни. Сложность авторской эмоциональности в стихотворении обусловлена тем, что, усматривая, по сути, в рае торжество зла, которое проявляется в образе длящихся здесь страданий Христа, его голгофских мук за прегрешения мира [4] («Все вернулось на круг, и распятый над кругом висел»), герой в то же время направляет на себя горькую иронию над собственной чуждостью всякому мистическому опыту: «Это Петр Святой – он апостол, а я – *остолоп...*» (1,476). Причем в ходе работы над текстом произведения поэт последовательно ослаблял первоначально саркастические ноты в изображении рая [5], стремясь, возможно, преодолеть мучительную оторванность от него. Происходящее в конце стихотворения возвращение героя на землю и утверждение простых нравственных ценностей верности в любви, свободы стоит воспринимать не как отказ от поиска знания о рае в пользу грешной земной жизни, но как желание через сохранение этих ценностей в душе ощутить Царство Небесное «внутри себя»:

Вдоль обрыва с кнутом по-над пропастью пазуху яблок
Для тебя я везу: ты меня и из рая ждала!

(1,476)

Соприкосновение со Христом

Не случайно в написанном вскоре стихотворении «Под деньгами на кону...» поединок лирического героя с судьбой, сатанинской силой выводит его на *сакральное по времени и месту личностное соприкосновение со Христом*:

Проскачу в канун Великого поста
Не по враждебному – по <ангельскому> стану, –
Пред очами удивленными Христа

Предстану...

(2,145)

Трагическая
ирония к райской
жизни

Доминирующая во многих стихах-песнях В. Высоцкого о рае и райской жизни трагическая ирония сопряжена с тем, что к диалогу с Богом, мистическому приближению к раю их герой с трудом прорывается сквозь миражи современности, социальные утопии, расхожие и суетные представления о тайне душевной жизни, как, например, в случае с размышлениями об «удобной религии» индусов в «Песенке о переселении душ» (1969). Сам поэт-певец предстает одновременно и несвободным от груза своей эпохи, и настойчиво стремящимся вернуть нации, отдельной личности способность задумываться о трансцендентном смысле своего бытия.

В стихотворении «Переворот в мозгах из края в край...» (1970) в центре оказывается ироническое осмысление утопических представлений века, сбитости аксиологических ориентиров (вспомним в этой связи и известную «Притчу о Правде и Лжи»), что проявляется в сюжетной ситуации построения рая в аду:

Тем временем в Аду сам Вельзевул
Потребовал военного парада, –
Влез на трибуну, плакал и загнул:
«Рай, только рай – спасение для Ада!»

(1,235)

Мир – арена
борьбы света
и тьмы

Мир остается ареной противостояния Божественных и дьявольских сил, однако современное сознание утратило способность их ясного различения, а потому и Бог увиден здесь то в облике Инквизитора («А Он сказал: «Мне наплевать на тьму!» – / И заявил, что многих расстреляет...»), то как страждущий за творящуюся неправду Христос, который из лицемерного рая (ср. мотивы «Райских яблок») спускается на землю и превращается в нищего, юродивого:

И Он спустился. Кто он? Где живет?..
Но как-то раз узрели прихожане –
На паперти у церкви нищий пьет.
«Я Бог, – кричит, – даешь на пропитанье!»...

(1,236)

Чаяния обретения
земного рая

Это событие обретает здесь символические черты и глубоко созвучно древним народным чаяниям обрести «Царство Духа» в земном мире. Симптоматично, что образ Христа, появившегося на земле неузнанным, присутствует и в фольклорных духовных стихах (например, «Встреча инока со Христом» [6]). Для самого лирического героя, который, правда, не говорит в стихотворении от своего имени, это событие знаменует личное приближение ко Христу, пусть и воспринятому пока в столь искаженном свете...

В антиутопической диалогии «Часов, минут, секунд – нули...» и «И пробил час – и день возник...» в предпринятом человечеством «проекте» по отмене смерти (отголоски идей Н. Федорова?) и построению земного рая, ассоциирующегося с перспективой «безнаказной жизни», обнаруживается полная утеря современным человеком внутреннего знания о рае и аде, об их смысле для его духовного самоопределения: «Вход в рай забили впопыхах, // Ворота ада – на засове...» (2, 123). Казенный стиль подобных деяний очевидно близок духу советской коммунистической утопии о «празднике всей земли», наступление которого «согласовано в верхах». Показательно, что сбой установленного сверху «контроля» над жизнью и смертью происходит от непредвиденной смерти «от любви... на верхней ноте» – *мир душевных переживаний и здесь оказывается сильнее жесткого духа регламентации:*

Недоглядели, хоть реви, –
Он взял да умер от любви –
На взлете умер он, на верхней ноте!

(2, 126)

Сомнение в
разумности
Божественного
творения

Мироощущение лирического «я» поэта все время балансирует на грани мерцающей надежды на близость ко Христу и отчаянного видения себя «на сгибе бытия, на полдороге к бездне»... В «Истории болезни» (1976) это отчаяние в соединении с напряженной рефлексией порождает разъедающее душу героя сомнение в разумности Божественного акта сотворения мира и человека, чувствование им личной причастности к «истории страны – истории болезни» и как итог – трагичнейшее обобщение о своем времени:

Сам первый человек хандрил –
Он только это скрыл, –
Да и создатель болен был,
Когда наш мир творил.
Вы огорчаться не должны –
Для нас покой полезней, –
Ведь вся истории страны –
История болезни.

(1, 419)

Притчевая форма
поэзии

Имеющие в поэзии В. Высоцкого глубокий духовный смысл раздумья о Боге и вечной жизни облекаются порой в притчевую, иносказательную форму. Например, в «Марше шахтеров» (1970–1971), связанном, казалось, лишь с «профессиональной» тематикой, приобщение персонажей к недрам «благословенной Земли» и противостояние темным силам приобретают метафизическое значение:

Мы топливо отнимем у чертей –
Свои котлы топить им будет нечем!

(1,253)

Притчевое начало, глубоко отражающее путь героя В. Высоцкого к духовному восхождению, наиболее ярко проявилось в таких стихотворениях, как «Баллада о бане» (1971) и «Купола» (1975). «Баллада о бане» построена на органичном сопряжении конкретной бытовой ситуации мытья в бане и раскрытия глубочайшей душевной работы, совершающейся в герое. В его лирическом монологе отчаянное осознание греховного «смада» души перерастает во взволнованный поиск райской чистоты и благодатного состояния:

Нужно выпороть веником душу,
Нужно выпарить смрад из нее...

(1,279)

Особый смысл приобретает в этой связи и *сакральная символика*, выстроенная вокруг образа «живительных вод», который ассоциируется со святой водой, с просветляющим дух личности Святым крещением:

Загоняй по коленья в парную
И крещенье принять уреди...

(1,280)

Важны и благоговейные думы понимающего свое недостойнство героя о рае, образ которого создается не прямо, но посредством иносказаний, где вещественный смысл слов сплавлен с символическим:

Здесь нет голых – стесняться не надо,
Что кривая рука да нога.
Здесь – подобие райского сада, –
Пропуск тем, кто раздет донага...

(1,279)

Отголоски финала первой части известного блоковского стихотворения «Май жестокий с белыми ночами...» (1908) («Пронзи меня мечами, // От страстей моих освободи!») звучат в завершении этой баллады В. Высоцкого, знаменуя *покаянный порыв лирического «я»*:

Лей на нас свою воду святую –
И от варварства освободи!

В стихотворении же «Купола» жажда героя очиститься от греховной скверны, «грязи жирной да ржавой» проецируется на драматичную судьбу «опухшей» от духовного сна России. Причем на уровне звуковой организации стихотворения превозмогание косности существования ради встречи с Богом и раем выразилось в проходящем через весь текст «противостоянии» обилию глухих и взрывных согласных «певуче-сонорной, насквозь просвеченной гласными темы золотых куполов, колоко-

Сакральная
символика
«живительных
вод»

Тяга к ощущению
единства земного и
Господнего миров

лов и колоколен...» [7]. *Здесь запечатлелась сокровенная тяга русского человека ощутить единство земного «горько-кисло-сладкого» бытия родины и райского, Господнего мира, которому эта земля небезразлична.* Не случайно образ небесной стихии, заповедного райского пространства получает вещественное воплощение («В синем небе, колокольнями проколотом...»), а пробуждающаяся ото сна страна, ее обращенные к Господу купола ассоциируются с больной, но сохраняющей веру в исцеление душой лирического «я»:

Душу, битую утратами да тратами,
 Душу, стертую перекатами, –
 Если до крови лоскут истончал, –
 Залатаю золотыми я заплатами –
 Чтобы чаще Господь замечал!

(1,410)

Тернистый путь
 к встрече с Богом
 и раем

Тернистым и несвободным от тяжелейших срывов, обусловленных как внутренними причинами, так и духом времени, был путь лирического героя поэзии В. Высоцкого ко встрече с Богом и раем. Не имевший сам регулярного опыта Богообщения, поэт в то же время многими исповедальными песнями, силой творческого прозрения Высшего смысла индивидуального и общенационального бытия исподволь возвращал своим соотечественникам понимание значимости тех духовных вопросов, над которыми бились герои его песен.

Осознание подвластности своей
 судьбы Высшей
 воле

В одном из итоговых стихотворений 1980 г. («И снизу лед и сверху – маюсь между...») герой нечеловеческим усилием воли пробивает тот «лед сверху», который препятствовал духовному росту... Осознавая подвластность своей судьбы Высшей воле, он предошущает значительность грядущей по истечении земных сроков встречи со Всевышним:

Мне меньше полувека – сорок с лишним, –
 Я жив, тобой и Господом храним.
 Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
 Мне есть чем оправдаться перед Ним.

(1,155)

1. *Священник Михаил Ходанов.* Спасите наши души!...: О христианском осмыслении поэзии В.Высоцкого, И.Талькова, Б.Окуджавы и А.Галича. М., 2000. С. 69.

2. *Свиридов С.В.* Структура художественного пространства в поэзии В. Высоцкого: Дисс. ... к.филол.н. М., 2003. С. 55.

3. Развернутое рассмотрение фольклорной образности стихотворения см.: *Рудник Н.М.* Проблема трагического в поэзии В.Высоцкого. Курск, 1995. С. 119–123.

4. Глубокий анализ образа Христа и темы несвободы в стихотворении см.: *Скобелев А.В., Шаулов С.М.* Владимир Высоцкий: мир и слово. Уфа, 2001. С. 121.

5. *Свиридов С.В.* «Райские яблоки» в контексте поэзии В.Высоцкого // Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. Вып. 3. Т. 1. М., 1999. С. 179.

6. Стихи духовные. М., 1991. С. 263.

7. *Скобелев А.В., Шаулов С.М.* Владимир Высоцкий: мир и слово. Уфа, 2001. С. 156.